

К. А. Степанов

О ПОЖЕРТВОВАНИЯХ РОСТОВЦЕВ В 1812–1815 гг. ДЛЯ АРМИИ И ЯРОСЛАВСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

История Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии интересна, поэтому не случайно, что она привлекает в последнее время пристальное внимание историков¹. Однако тема не исчерпана. В частности, вопросы сбора пожертвований в российской глубинке нуждаются в дальнейшем изучении. Настоящее исследование призвано несколько восполнить имеющийся пробел.

Война потребовала от России не только большого количества войск, но и вооружения, снаряжения, налаженной работы тыла, в том числе и воинских госпиталей для лечения раненых и больных воинов. Бесперебойное функционирование «военного механизма» могло быть достигнуто только за счет своевременных денежных поступлений. Однако возможности государства были небезграничны, поэтому на помощь ему пришли мирные жители, которые, порой объединенные в различные общества, по возможности из своих собственных средств стали оказывать посильную помощь.

Так, в ответ на рескрипт Александра I от 13 мая 1812 г. из г. Вильно на имя ярославского гражданского губернатора Михаила Николаевича Голицына о формировании в Ярославской, Нижегородской, Вологодской и Вятской губерниях двенадцати новых полков из рекрутов и снабжении их «надлежащим числом обоза с подъемными лошадьми и упряжью», в г. Ярославле 5 июня 1812 г. состоялось собрание с участием городских голов, гласных городских дум и бурмистра Норского посада². Согласно вынесенному на нем постановлению, ростовское общество должно было собрать 7 тыс. руб. на «заготовление полного обоза егерскому полку»³. 6 июня 1812 г. Голицын уведомил об этом Ростовскую городскую думу, предложив переслать деньги не позднее 18 июня текущего года. К установленному сроку удалось собрать 6692 руб., в том числе 5316 руб. было по-

лучено от купцов и 1462 руб. – от мещан, а 222 руб. «недобора» числились за купцами, находившимися в «отлучке»⁴. В связи с этим дума в середине июня 1812 г. обратилась к Ярославскому губернскому правлению с просьбой разрешить ей взыскать деньги с ростовских купцов, проживающих не в Ростове, и, получив согласие, продолжила сборы.

В письме от 5 ноября 1812 г. за № 469 губернский предводитель дворянства Николай Александрович Майков сообщил ростовскому уездному предводителю Владимиру Ивановичу Филатьеву об открытии в Ярославле госпиталя для раненых и больных солдат русской армии и предложил ему обратиться к дворянам уезда с просьбой о пожертвовании для этого богоугодного заведения. Он мотивировал это тем, что «принять казне сие исправление на себя в настоящее время было бы весьма отяготительно, потому, что по военным обстоятельствам она издерживает несчетные суммы на содержание войск, на вспоможение жителям разоренных неприятелем губерний и на другие важные предметы, сопряженные с необходимостями, пользами и благосостоянием государства»⁵. 18 ноября 1812 г. с аналогичным прошением к Филатьеву обратилась губернская Комиссия о пособии разоренным при нашествии неприятеля во главе с губернатором М. Н. Голицыным, вице-губернатором И. Ю. Урусовым и губернским предводителем дворянства Н. А. Майковым. Согласно указаниям уездного предводителя об оповещении дворян и сборе денежных средств, ростовский полицмейстер Михаил Иванович Симановский с рапортом от 22 ноября 1812 г. направил в его адрес деньги для госпиталя в сумме 73 руб. и для помощи беженцам 82 руб. 50 коп.⁶ Наряду с этим уведомлением за № 538 от 20 марта 1813 г. исправник Ростовского земского суда Александр Львович Савин передал в адрес Филатьева еще 152 руб. на помощь пострадавшим от войны мирным жителям страны⁷. В свою очередь, ростовский купец 1-й гильдии Николай Алексеевич Кекин пожертвовал для губернского госпиталя 500 руб., а также векселями и вещами еще на 17053 руб. 37 коп.⁸

В качестве дополнения к вышеприведенным сведениям следует отметить, что в ответ на обращение 2 октября 1812 г. генерал-губернатора принца Георгия Петровича Голштинского-Ольденбургского часть дворян Ярославской губернии передала для русской армии и ополчения имевшееся в их распоряжении оружие, но сколько его тогда было сдано, точных сведений в архивных источниках обнаружить не удалось.

1 августа 1812 г. М. Н. Голицын предложением за № 4494 указал Ростовской думе приступить к сбору пожертвований для Ярославского ополчения, отметив при этом: «Приношения, пожертвованные таким образом – дума должна доставлять как можно скорее в Комитет Ярославской военной силы

с поименованием лиц и количества пожертвований каждого – в общем списке всем ростовским гражданам. Я ожидаю поспешней донесения о рвении ростовского общества, которое всегда отличалось усердием на пользу общую»⁹. Письмо Голицына дума направила на рассмотрение ростовскому купеческому обществу, которое 18 августа 1812 г. на общем собрании под председательством городского головы Федора Борисовича Мясникова решило пожертвовать на ополчение 50 тыс. руб.¹⁰ Из регистра пожертвований, содержащего сведения на 180 человек, известно, что, например, с купца 1-й гильдии Ф. Б. Мясникова следовало получить 4000 руб., М. А. Кайдалова – 2000 руб., 2-й гильдии П. Ф. Морокуева – 2000 руб., Ф. А. Кекина – 700 руб., 3-й гильдии К. Л. Рахманова и И. А. Толоконникова – по 200 руб., Ф. И. Латышева – 250 руб.¹¹ Получение денег с купцов, в том числе и с отсутствующих на собрании, было доверено купцам 2-й гильдии П. А. Говядинову, Ф. А. Кекину и купцам 3-й гильдии А. В. Щапову, М. С. Пономареву, И. К. Медведеву, Ф. С. Шестакову, которые и были приведены протоиереем Успенского собора к присяге по форме, составленной городским управлением.

25 августа 1812 г. рапортом за № 244 дума сообщила об этом губернатору. Однако сбор денег растянулся на несколько лет. Как правило, они поступали частями и направлялись в распоряжение Комитета Ярославской военной силы. Об этом известно из рапортов городской думы от 3 января, 1 мая, в июне, июле и декабре 1813 г., в которых она сообщала губернатору и Комитету Ярославского ополчения о «препровождении» сначала 5 000 руб., а потом соответственно 6 000, 14 000, 5 560 и 2 990 руб.¹² Такое положение дел не устраивало губернатора, и 23 апреля 1813 г. предложением за № 2504 он указал Ростовской думе поспешить с решением данного вопроса. Несмотря на его требования, быстро собирать деньги не удавалось, и этому в немалой степени способствовали обстоятельства, связанные с отступлением русской армии в глубь страны. В частности, 27 марта и 9 апреля 1813 г. ростовские купцы М. А. Кайдалов, В. М. Хлебников и Я. А. Шмагин написали в думу «объявления», в которых указали причины, почему они не в состоянии заплатить деньги для ополчения. Так, например, В. М. Хлебников сообщал: «И с великим бы моим усердием взнестъ желал, но по случаю бывших в прошлом 1812-м году военных происшествий в Рижском форштадте сгорело моего поташа на сумму более восьмидесяти пяти тысяч рублей, на что я и указные свидетельства имею, да в Москве во время неприятельского нашествия разграблено разных моих товаров на тридцать шесть тысяч пятьсот рублей»¹³. На это же ссылался в своем «объявлении» и купец Я. А. Шумагин: «...И имел в оной Москве купленные мною и в луч-

шем виде ко украшению города вновь мною обстроенных в Горецкой части во 2-м квартале каменный трехэтажный под тремя номерами дом с пятью кладовыми и палатками, другой в Сретенской части в 5-м кварт[але] одноэтажный каменный и с двумя деревянными флигелями дом и одну каменную в Гоцкой части в Медовом ряду лавку, с которых бы и мог я получать ежегодно дохода более 15 000 рублей, которое строение коштowało мне 196 839 рублей. Но во время неприятельского нашествия в том 1812 году в Москву оное мое недвижимое имение – и с домашним имуществом коего было 15 712 ру[блей] 80 [копеек] и бывшие в кладовых палатках и в наемной лавке и палатке в Москотельном ряду разные российские и немецкие товары на 116 950 рублей сожжены и разграблены»¹⁴.

Учитывая эти обстоятельства, дума обратилась к губернатору с просьбой рассмотреть прошения купцов относительно освобождения их от уплаты причитающихся сумм для Ярославского ополчения. И если 2 апреля 1813 г. предложением за № 2167 Голицын предписал освободить Федора Хлебникова от взноса «суммы, следующей с него в число пожертвованного ростовским градским обществом на ополчение капитала»¹⁵, то впоследствии изменил свое решение. Так, 21 мая 1813 г. в его письме городской думе за № 3045 особо отмечалось: «Представление градской думы № 192-й разрешаю, что не должна она была ни на чем останавливаться во взыскании сумм, пожертвованных на ополчение. К составленному ею предупреждению служит, что ожидает она разрешений на просьбы некоторых граждан, которые отзываются понесенными убытками и которых, однако же, при всем уважении к обстоятельствам их – не могу я освободить от взноса денег, яко принадлежащих уже казне»¹⁶. В сложившихся условиях дума вынуждена была 27 мая 1813 г. обратиться за помощью к городской полиции, приложив к письменному заявлению список купцов, которые еще не выплатили пожертвование. В частности, с В. М. Хлебникова причиталось 4 000 руб., М. А. Кайдалова – 2 000, Я. А. Шмагина – 500, О. М. Бобова – 300, Г. Д. и Я. П. Щаповых – соответственно 250 и 200, а с К. Н. Кузнецова – 125 руб.¹⁷ Такие действия дали положительный результат, и 17 июня 1813 г. ростовский полицмейстер Симановский направил в думу с сопроводительным письмом 5 675 руб. Тяжба между неплательщиками и думой продолжалась до 29 октября 1814 г., когда губернатор М. Н. Голицын предложил «градской думе не настоять о платеже известных количеств купцами: Федором Мясниковым, Василием Хлебниковым и Яковом Шмагиным до распоряжения правительства на представление об них»¹⁸. Но вскоре требования местных властей о сборе денег в счет пожертвования, по-видимому, не без участия губернатора, возобновились и увенчались успехом.

В частности, 26 марта 1815 г. Ростовский городской магистрат в лице бурмистра Ф. Кекина, секретаря И. Голикова направил в думу с сопроводительным письмом деньги, полученные от А. И. Мальгина в сумме 600 руб. и И. П. Второва – 75 руб.¹⁹ Согласно архивным документам, сбор пожертвований с ростовских купцов продолжался до 3 августа 1815 г., когда магистрат вновь уведомил думу о получении с И. Б. Мясникова 800 руб.²⁰

Деньги на пожертвование взимались и с тех купцов, которые по каким-либо причинам находились за пределами Ростовского уезда. Так, в ответ на просьбу Ростовской городской думы Ярославское губернское правление 20 октября 1813 г. уведомило ее о направлении запроса в Московское губернское правление на взыскание денег с купца Ивана Борисовского. Последнее вело усиленный поиск и, несмотря на сообщение 9 сентября 1814 г. об отсутствии вышеуказанного купца в Москве, Московское правление все же разыскало его и взыскало 300 руб. на пожертвование Ярославскому ополчению²¹. 28 июля 1815 г. Ярославское правление известило об этом Ростовскую думу.

Не осталось в стороне от сбора денег и духовенство. В частности, Спасо-Яковлевская Димитриева обитель города пожертвовала 1000 руб., 1 фунт 37,5 золотников золота, 1 пуд 1 фунт 87 золотников серебра, а ее настоятель передал для нужд армии и ополчения еще 390 руб.²² Ярославская духовная консистория направила в Комитет Ярославской военной силы пожертвования духовенства, собранные с 12 октября по 5 ноября 1812 г. в сумме 1570 руб. ассигнациями и 7,75 коп. «медью», а с 6 по 9 ноября – ассигнациями 1250 р[уб]., серебром 1 руб. 75 ко[п]., «медью» 17,5 ко[п.]²³. Из «Книги для записки денег собираемых при церквях в кружки в пользу раненых» по г. Ростову известно, что с 12 мая по 9 декабря 1813 г. церковные служители собрали 321 руб. 81 коп.²⁴ При этом ежемесячные денежные пожертвования в каждой из церквей города были небольшими. Например, 2 октября 1813 г. из кружки церкви Архистратига Михаила было «высыпано» 60 коп., на следующий день из кружки церкви св. Леонтия Ростовского – 1 руб. 8 коп., а церкви св. Бориса и Глеба – 70 коп.²⁵ Самые большие поступления приносил Успенский собор. Так, 13 мая 1813 г. из кружки было «высыпано» 34 руб. 70 коп., 15 июня – 15 руб. 80 коп., 9 августа – 6 руб., 12 сентября – 18 руб. 60 коп., 13 октября – 3 руб. 20 коп., 11 ноября – 4 руб. и 9 декабря 1813 г. – 4 руб. 25 коп.²⁶

Следует отметить, что дворяне и купцы жертвовали деньги не только для армии и ополчения, но и в общественные организации, занимавшиеся оказанием помощи пострадавшим от войны. Например, в конце 1812 г. в Санкт-Петербурге было образовано Женское патриотическое общество

для оказания помощи беженцам, которое находилось под покровительством Александра I и его жены императрицы Елизаветы Алексеевны²⁷. По указанию императора отделения этого Общества, куда входили представители дворянства и купечества, открылись во многих городах России, в том числе и Ярославле. Об этом в феврале 1813 г. М. Н. Голицын поставил в известность и дворян Ростовского уезда через их предводителя В. И. Филатьева. При вступлении в Общество нужно было заплатить взнос в сумме 200 руб., а потом столько же ежегодно. Кроме этого, принимались пожертвования продуктами, деньги от продажи которых также поступали на его счет. Использовался и такой источник денежных поступлений, как проведение благотворительных спектаклей. Так, от проведения в Ярославле спектакля «Дмитрий Донской» выручка в сумме 3 000 руб. была передана этому Обществу, собравшему 7 566 руб. только за январь – февраль 1813 г.²⁸ 12 мая 1814 г. предложением за № 1845 губернатор Голицын обратился к предводителю Филатьеву с просьбой оказать посильную помощь Женскому патриотическому обществу. В письме говорилось: «Общество истощило все средства, какие имело, при всем желании продолжать вспомоществования открывающимся еще тысячам несчастных семейств... покорнейше прошу Ваше высокоблагородие предложить сострадательным особам о уделении некоторой части избытков их для облегчения печальной участи нуждающихся. Я уверен, что не сочтете Вы трудом содействовать в богоугодном деле Общества и будете пересылать ко мне жертвуемые деньги»²⁹. Таким образом, к 13 июня 1814 г. было собрано 38 руб. для передачи ему в помощь пострадавшим от войны.

Примечательно, что пожертвования, сделанные дворянством и купечеством в грозное военное лихолетье 1812 г. и во время заграничных походов русской армии не осталось не замеченным. Подписанный Александром I 30 августа 1814 г. манифест «Об учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и разных льгот и милостях» предусматривал награждение дворян бронзовой медалью на ленте ордена Св. Владимира для ношения в петлице. На основании этого Ярославское губернское правление 1 мая 1815 г. приказало уездному предводителю дворянства предоставить в его распоряжение списки на дворян, их вдов и девиц, но не дождавшись ответа, 21 июля 1815 г. вновь повторило запрос. Аналогичная просьба исходила 26 апреля 1815 г. и от губернского предводителя дворянства, в распоряжение которого 3 июня 1815 г. был направлен список из семи дворянок, представленных к награждению. 7 июня 1816 г. на имя уездного предводителя дворянства Д. С. Лупандина был отправлен список на 44 человек, согласно которому награды за пожертвования

ния и выставление дополнительных рекрутов с полной амуницией получили 36 человек, в том числе И. М. Ошанин, П. Д. Налянов, И. Н. Гаряинов, Н. И. Рудаков³⁰. Следует отметить, что уведомление о получении медали дворяне получали на специальном типографском бланке, заполняемом губернским предводителем В. Филатьевым, в котором содержались слова из манифеста: «Благородное дворянство наше, верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданность и любовь к царю и Отечеству, на и паче же ныне изъязвившее беспримерную ревность щедрым жертвованием не токмо имуществе, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской ленте медалию с тем самым изображением, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 год. Сию бронзовую, крепости духа их сообразную медаль, да возложат на себя отцы или старейшины семейств, в которых, по смерти носивших оную, остается она в сохранении у потомков их, яко знак оказанных в сем году предками их незабвенных заслуг Отечеству»³¹.

Манифестом предусматривалось награждение купечества бронзовой медалью на ленте ордена Св. Анны. В связи с этим, а также на основании указа Правительствующего Сената Ярославское губернское правление обратилось 17 мая 1814 г. к Ростовской городской думе с письмом за № 11972 о предоставлении списка купцов Ростовского уезда, сделавших в 1812 г. значительные пожертвования. С ответным письмом в Ярославль были направлены материалы только на ростовского купца 1-й гильдии Н. А. Кекина. По-видимому, в Ярославле этот список сочли не полным, так как сначала гражданский губернатор 18 апреля 1816 г. предложением за № 1217 указал думе предоставить в его распоряжение «списки всем тем, кто из купеческого сословия в 1812 году пожертвовал и чем именно»³², а потом 21 апреля и 20 мая 1816 г. с аналогичной просьбой к городскому управлению вновь обратилось и губернское правление. Однако других лиц из «купеческого звания», кто бы сделал такое пожертвование, не имелось, поэтому на основании указа из Правительствующего Сената от 19 ноября 1817 г. Ярославское губернское правление направило бронзовую медаль и акт к ней на имя ростовского полицмейстера для вручения Н. А. Кекину, о чем 13 февраля 1818 г. и поставило в известность городскую думу³³.

Таким образом, ростовцы оказывали посильную помощь стране в годину тяжелых военных испытаний и путем пожертвований на различные нужды деньгами, вещами, внося этим свой вклад в достижение победы над грозным противником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Соколов А. Р.* Материальная помощь населения России армии в 1812 году // *Вопр. истории.* 1998. № 9. С. 110–120; *Бессонов В.* ...Не считая шаромыжников: Численность военнопленных 1812 г. в России // *Родина.* 2002. № 8. С. 55–59; *Мельникова Л. В.* Отечественная война 1812 г. и русская православная церковь // *Отечеств. история.* 2003. № 6. С. 27–38; *Безотосный В. М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М.: РОССПЭН, 2005; *Он же.* Внешнеполитический выбор России на геополитическом пространстве Европы в эпоху 1812 года // *Отечеств. история.* 2008. № 2. С. 63–79; *Лушагина И.* Русские штандарты на Бородинском поле: Всерос. науч.-практ. конф. «Российский патриотизм: Истоки, современность, проблемы возрождения и развития» // *Нар. образование.* 2005. № 1. С. 155–165; *Лапина И. Ю.* «Временное верных сынов России ополчение» в Отечественной войне 1812 года // *Воен.-ист. журн.* 2008. № 7. С. 69–72; *Бочков Е. А.* Церемониал погребения М. И. Голенищева-Кутузова: неизвестные страницы // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVIII Междунар. науч. конф., 2–4 сентября 2013 г. / Сост. А. В. Горбунов. Бородино, 2014. С. 210–247; Земцов В. Н.* Французская пресса 1812 г. о Бородинском сражении // *Там же.* С. 21–35; и др.

² Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (РФ ГАЯО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 850. Л. 1–4.

³ Там же. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 49. Л. 99.

⁶ Там же. Л. 102.

⁷ Там же. Л. 107.

⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 849. Л. 155об.

⁹ Там же. Л. 1об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 9–10об.

¹² Там же. Л. 15, 29, 63, 83, 115.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Там же. Л. 18об.

¹⁵ Там же. Л. 21.

¹⁶ Там же. Л. 42.

¹⁷ Там же. Л. 43об.

-
- ¹⁸ Там же. Л. 88.
- ¹⁹ Там же. Л. 97.
- ²⁰ Там же. Л. 132.
- ²¹ Там же. Л. 101.
- ²² Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 11. Л. 21об.
- ²³ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 53. Л. 21.
- ²⁴ Там же. Ф. 241. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–14.
- ²⁵ Там же. Л. 10.
- ²⁶ Там же. Л. 3, 5, 8, 9об., 11, 12, 12об.
- ²⁷ *Андреев П. Г.* Ярославские ополченцы. Ярославль, 1960. С. 54.
- ²⁸ Там же. С. 55, 56.
- ²⁹ РФ ГАЯО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 83. Л. 35, 35об.
- ³⁰ Там же. Д. 102. Л. 5–6.
- ³¹ Там же. Л. 2.
- ³² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 849. Л. 134.
- ³³ Там же. Л. 167.